

Юрий Алкин

Предательство

Можно ли предать, не подозревая о своем предательстве? И не зная, кого предаешь? Я смотрю в огонь... Полупрозрачные беспрестанно изгибающиеся языки работают неумолимо. С ленивой грацией хищника они обнимают свою медленно обугливающуюся жертву. Пройдет несколько минут – и, отбросив притворную ласку, они ринутся на почерневшую добычу, с урчанием вгрызутся в нее, и она исчезнет. Сгинет навсегда, превратившись в горсть пепла. Но, даже канув в небытие, она не заберет с собой это мерзкое, щемящее чувство.

Он писал хорошо. Не превосходно, а именно хорошо. Язык его книг не поражал филигранной красотой, а умело вкрапленные в повествование мысли не претендовали на философские откровения. Сильным писателем его делали сюжеты, герои и беспощадные, иезуитские вопросы, которые он ставил в каждом произведении. Именно за счет этих качеств критика относила его в разряд заметных прозаиков своего времени. Чужого, непонятного времени которое отстояло от моего на три четверти века. “Самобытный беллетрист, хорошая фантазия, чувство стиля” - такими эпитетами обычно жонглировали авторы предисловий. Мое же знакомство с ним началось с его героев. Бескомпромиссных и ранимых, отважных и знающим цену отваги, любящих и ненавидящих без оглядки. Эти люди, такие странные и непохожие на тех, кто окружал меня, схватили восторженного подростка за руки и вихрем унесли в свой мир. И их мир стал моим миром. Синяя шеренга томов, которые были старше меня на двадцать лет, стала воротами в чудесную страну, откуда не было возврата.

Шагая из города в город, из дома в дом, я шел по ней и находил все то, чего так не хватало в моей столь обыденной жизни. Здесь дрались за идеалы и

давали пощечины подлецам, здесь дружили, а не приятельствовали, здесь не стеснялись мечтать и знали, как из мечты сделать реальность. В этих краях не читали моралей и не прятали нравоучительные тирады под разговорами. Здесь просто жили – но жили так ярко и насыщено, что настоящая жизнь порой казалась бледным подобием этого ревущего потока судеб и личностей.

Разумеется, были и другие авторы. Весь стандартный набор книг юного романтика красовался на моих полках. Я нырял в них, напряженно следил за развитием событий, сопереживал, пытался предвидеть козни и разгадывать тайны, но все это было не то. Книга закрывалась, и очарование исчезало. Миры съезжались, обращаясь в декорации, и персонажи так и не становились живыми людьми. А мир его книг не просто продолжал цвести после того, как переворачивалась последняя страница. Он существовал независимо от меня. Он был всегда там – яркий и упоительный, и потертые тома цвета индиго лишь позволяли заглянуть в него.

В то время я еще не думал о нем – о человеке, создавшем это чудо. Я жадно пил из пьянящего родника, не задумываясь о том, где он берет свое начало. Поинтересуйся кто-нибудь моим мнением об авторе, я бы, пожалуй, даже удивился мысли о том, что все это создано фантазией одного человека. Разве можно сотворить то, что и так существует?

Потом была юность. Звонящая романтика неведомых стран отошла куда-то в далекое прошлое, туда же, куда в свое время были поочередно отправлены плюшевые медведи, солдатики и волшебные сказки. Теперь меня волновали иные предметы. Любовь – не первая, а “настоящая” перемешивалась с искренним желанием перевернуть мир или хотя бы его часть. В эту гремучую смесь летело все – новые горизонты, большие надежды, непримиримость и мало чем подкрепленная, но почти безграничная вера в себя. И теперь мне требовались соответствующие книги. Мои кумиры того времени не искали затерянные сокровища – они доказывали всему миру, что они чего-то стоят. При этом некоторые из них попутно успевали бороться с окружающей несправедливостью. К абстрактной и наивной романтике не было и могло быть возврата...

Отбирая как-то книги для сына знакомых, я открыл один из синих томов, ожидая испытать знакомое чувство превосходительного умиления, сопровождавшее подобные экскурсии в детство. Полчаса спустя я с трудом оторвался от чтения. Оказалось, что наивным была не книга, а я сам. С этих страниц в лицо мне глянули отнюдь не бесплотные авантюристы. Нет, это были подлинно живые люди, которых волновали столь близкие мне вопросы. Они влюблялись, они строили свою жизнь, они боролись за место под солнцем, делая это с открытым забралом, они опять менее всего были литературными персонажами. Я открыл другой том, потом еще один, еще... Неужели именно этими тестами я восхищался в те далекие времена? Но ведь я был просто не в состоянии понять, о чем здесь идет речь! Мое подростковое увлечение этими книгами предстало теперь не более чем поверхностной интерпретацией превосходной литературы.

За несколько месяцев я перечитал все собрание сочинений. Ни один другой автор не отражал в лучшей степени то, что волновало меня в то время. Снова в его книгах трепетала жизнь – чуть более полная, чуть более манящая, чем реальность, но пропитанная вполне земными проблемами. Я продолжал перечитывать их – год, другой, третий – пока из бурлящей юности постепенно не перешел в состояние именуемое “способный молодой человек”. Свершилась очередная переоценка ценностей. Оформились и несколько сузились цели, любовь узаконилась браком, мир оказался слишком незыблемым для того, чтобы стремиться его переворачивать. Куда-то ушел юношеский пыл, унося с собой интерес к питавшей его литературе. И вместе с книгами, которые я открыл для себя в семнадцать лет, вторично уплыла в прошлое вереница индиговых томов с тисненым черными буквами именем автора. Все было так понятно и естественно...

Странности начались тогда, когда я перешел тридцатилетний рубеж. К этому времени я уже давно понял отличие реальной жизни от книжной и не рассматривал книги как альтернативу реальности. Да и ни малейшей необходимости в подобной альтернативе не было. Настоящая жизнь оказалась полна интересных дел и целей. Они были, пожалуй, не так красивы, не так

тропически яркие, как те, что влекли меня к себе пятнадцать лет назад. Но они были материальны и вследствие этого значили больше чем прекрасные, но существующие лишь в воображении литературные миры.

Я не охладел к чтению, но уже не восхищался героями и их поступками. Теперь меня занимали не столько персонажи, сколько их создатели, вернее то, что они хотели сказать своими книгами. Я искал мысли вплетенные в ткань рассказа. Произведения, которые могли похвастаться только лихой интригой и в лучшем случае избитыми истинами представлялись мне не более чем пустышками. Книги детства и ранней молодости пылились в шкафу. Среди них, вызывая грустную улыбку, стояли синие томики.

Иногда я подумывал о том, чтобы открыть их вновь, заглянуть в ту удивительную дверь, поздороваться с теми, кто жил за ней, пройтись вместе с ними по знакомым тропам. Но каждый раз меня останавливало опасение испортить чудесные воспоминания. Я знал, что пути назад нет. Есть лишь один способ воспринимать книгу так, как будто тебе семнадцать лет – быть семнадцатилетним. И год за годом я не прикасался к синим книгам, храня свои впечатления.

И снова все изменил случай. В какой-то газете промелькнула короткая статья о нем – несколько напыщенная, безликая, напоминающая приукрашенную выдержку из энциклопедии, одна из тех, что пишут к юбилею по заданию редакции, а потом перепечатывают из издания в издание. Каким-то странным образом эта писанина заставила меня открыть одну из его книг, забыв о своих опасениях. Результат оказался потрясающим. Под увлекательным действием, под знакомыми лицами таились мысли – его мысли. Но они, как ничьи походили на мои собственные. Это было мгновенное родство душ, то ни на что не похожее ощущение, которое испытываешь, встречая в книге фразу, точно отражающую твою точку зрения. Есть что-то неуловимо волнующее в том, что, живший столетия назад человек терзался теми же вопросами и приходил к тем же выводам что и ты. Обычно подобное ощущение не задерживается: страница, другая – и действие рвет протянувшуюся сквозь года нить. Здесь же все было иначе. Чем дальше я читал, тем крепче становилось это чувство.

Слово цеплялось за слово, мысль вела к очередной мысли. С чем-то я был безоговорочно согласен, кое-что подвергал сомнению, а некоторые соображения вызвали яростное желание спорить. Но ничто, ни одна глава, ни одна страница не оставляла меня равнодушным. Это гораздо больше напоминало беседу, чем привычный процесс чтения. Я не мог отделаться от ощущения, что человек, написавший эти строки, находится где-то рядом и мы говорим, говорим, говорим и никак не можем наговориться.

В очередной раз я перечитал все, что он написал, благо собрание сочинений было полным. Ничего интереснее до этого читать мне не приходилось. Даже жадное внимание, с которым я зачитывался этими книгами в детстве, несколько бледнело перед этими часами полными обсуждений и споров. Впрочем, прошлое всегда тусклее настоящего. Но пришел момент, когда последний том был закрыт и поставлен на место.

А потом зародилось подозрение – смутное, едва уловимое, не имеющее под собой реальной основы. В третий раз эти романы и рассказы неистово вторгались в мою жизнь. В третий раз они с неестественной отчетливостью соответствовали моей душе – до неузнаваемости изменившейся за двадцать с лишним лет. Лучше чем признанные мастера, сильнее классиков и звезд современности, он – этот “самобытный, но отнюдь не гениальный” писатель заставлял меня лихорадочно перелистывать написанные им страницы. Каждый раз в его книгах было именно то, что я искал в жизни и на бумаге. Каждый раз в них находили место мои тревоги и надежды, сомнения и вопросы. Словно там, за этими чуть тронутыми желтизной листами скрывался чуткий, выросший со мной друг, знавший меня так хорошо как я сам, если не лучше. И чем больше я об этом думал, тем невероятнее казалась сила этих страниц. Таких книг не могло, не должно было существовать. Книги детства не могут взрастать вместе с тобой до бесконечности – в какой-то момент они превращаются в лучшем случае в ностальгическую отдушину. Книги не меняются, меняются люди. Но эти книги взросли вместе со мной! Придя к такому странному выводу, я внутренне улыбнулся. Такого просто не могло

быть. А было другое – великолепный, отмеченный “искрой божьей” автор, незаслуженно обойденный судьбой и лишенный достойного признания.

С тех пор я иногда, почти не глядя, брал один из томов, открывал в любом месте и читал несколько страниц, вновь испытывая это ощущение доверительной беседы. А потом наступил поворотный момент. Запутанная ситуация на работе набухая и разрастаясь словно внезапно появившийся нарыв стремительно приближалась к развязке. Клубок интриг и досадных недоразумений заставлял думать о себе по вечерам, нарушая тот строгий баланс, который я установил раз и навсегда еще в начале карьеры. Мрачный, поглощенный мыслями об окружавших со всех сторон подвохах, я не мог по-настоящему сосредоточиться ни на чем кроме этой цепочки гнетущих событий.

В один из таких вечеров, когда унылый дождь за окном только усиливал сумрачное настроение, я подошел к полке и привычно взял синюю книгу. Выбранный наугад рассказ на удивление почти стерся из памяти и читался почти как в первый раз. И хотя события ничем не напоминали те, что уже месяц не давали мне спать, каким-то странным образом они вызывали в памяти недавние досады и разочарования. Вместо того чтобы целиком погрузиться в чтение, я обдумывал надоевшую проблему, автоматически скользя взглядом по буквам. И вдруг из стоявших перед глазами фраз соткался вопрос. “А ты уверен, что это действительно проблема? - шепнула мне книга. – А что если взглянуть на подобную ситуацию с другой стороны? Например, вот так...” Я усмехнулся. Решение не могло быть таким простым. И к тому же рассказ этот был читан десятки раз. Я отложил книгу и, возвращаясь мыслями к своим проблемам, отправился спать. А на следующее утро уже четко знал, как следует поступить для того, чтобы вскрыть этот нарыв. Выход, подсказанный книгой, был не просто хорошим – он был единственно верным.

Дальше закрывать глаза на происходящее было нельзя. Все эти годы я встречался лицом к лицу с чем-то не укладывающимся в привычные представления – и лишь по-страусиному прятал голову в песок. Объяснение напрашивалось само собой – фантастическое, нелепое и все же не имеющее

альтернативы. И вопреки возмущающемуся здравому смыслу я начал следить за книгами, за словами и предложениями, которые они с такой готовностью выставляли мне напоказ. Вечер за вечером я приходил в кабинет, раскрывал один из томов и читал, читал, читал. На первый взгляд слова оставались те же. Но, тем не менее, теперь я мог поклясться, что они меняются. Эти изменения нельзя было зафиксировать, они струились, текли меж пальцев словно вода, но так же как вода они были ощутимы. Рано или поздно текст преображался. Я пытался дословно запоминать реплики, фразы, даже целые параграфы, но все впустую. Именно заученные строчки оставались неизменными. Однако подчас и они, сплетаясь с окружавшими их предложениями, начинали приобретать иной смысл – не совсем тот, который они несли в себе за неделю до этого. Я даже пробовал фотографировать страницы и через какое-то время сверять фотографии с оригиналами. Тщетно: они всегда совпадали до последней буквы. Совпадали – и все же воспринимались по-другому.

И в какой-то момент происходящее сломало и без того хрупкую грань между реальностью и чудом. Больше я не сомневался. Я знал, что отныне эти книги будут меняться со мной – вплоть до того момента, когда я сам перестану меняться. Отныне их создатель был не метафорической родственной душой. Он стал живым, реальным другом, человеком, которому я доверял как себе и который всегда меня понимал. Я обращался к нему в своих мыслях, а он говорил со мной через своих героев. У меня была жена, двое детей, сотни знакомых, десятки приятелей, три-четыре человека, отношения с которыми формально подходили к определению дружбы. Но был только один истинный друг – он. Разделявший нас век являлся меньшей преградой для общения и понимания чем расстояние в два квартала.

И постепенно я привык. Стоило чему-нибудь по-настоящему заинтересовать или обеспокоить меня – и через некоторое время в синих книгах я начинал находить соображения на эту тему. Вначале они всплывали как отрывочные фразы, потом превращались в параграфы, затем в разрозненные эпизоды. Под конец, если эта тема действительно много значила для меня, она становилась центральной нитью одного из его произведений. Как это происходило, какие

немыслимые силы делали это общение возможным, я не знал – и не желал знать. Настоящую дружбу не рассматривают в микроскоп, какой бы странной она не была.

Так продолжалось не один год. А два дня назад мне абсолютно случайно попал в руки сборник писем. Его писем. Я никогда не был любителем читать переписку известных людей. Ведь что ни говори, а личные письма предназначаются только для тех, кому они отправлены, и никак не для тысяч любопытствующих читателей. Но тут дело было иное. Если кто-то из ныне живущих и имел право читать эти письма, то это был я. Мы доверяли друг другу. Кроме того, возможно в письмах он как-то отразил то, чему всю жизнь не мог найти объяснения – дружбу с человеком, жившим семьдесят лет спустя. И серая книжка в глянцевой бумажной обложке была раскрыта.

Я пропустил обязательное предисловие, на минуту задержался на плотных листах с фотографиями, пролистал воспоминания нескольких друзей. Все это не представляло особого интереса. Мне нужны были только строчки написанные им самим. Я знал, что лишь из них зазвучит знакомый голос. И голос зазвучал. "... Как поживаешь? По-прежнему беспокоят почки? Наладилась ли семейная жизнь? У меня все так же. Ремонт продвигается медленно. А издательство между тем не сдаётся..." Я прочел одно письмо, другое, третье... Что-то было не так. Это был не он. Совсем не он. Из писем на меня смотрел желчный, меркантильный и что самое невероятное, скучный человек. Он мечтал о новом доме и поносил издателей. Он жаловался на зависть соседей и с удовольствием злословил о знакомых. Он занудно излагал свои соображения о растущих ценах и сетовал на злонравие критиков. Он был мелочен и неинтересен. Я перевернул книгу и глянул на обложку. Сомневаться не приходилось – это были действительно его письма. Но лучше бы я их не читал. Пожалуй, и он не хотел бы, чтобы эти письма попались мне на глаза.

Как же такое могло произойти? Где этот унылый циник черпал идеи и слова для своих ни с чем не сравнимых книг? Как под его пером могли рождаться эти яркие и полные жизни картины? Разве что он не всегда был таким... Видимо, за письменным столом занудный мещанин уступал место романтику и

мыслителю. Свежий ветер созданного его же воображением мира преображал самого автора, заставляя его быть тем человеком, чья дружба так много значила для меня. В нем уживались две половинки души, столь непохожие друга на друга... Я медленно листал страницы. В конце концов, он мой друг. И принимать его надо таким, какой он есть. Он не раз узнавал что-то новое обо мне, теперь я узнал что-то новое о нем. Разве это хоть что-то меняет? Конечно же, в его жизни была не только литература. И вдруг по глазам ударили эти строчки.

“Уже ноябрь и договор поджигает. С утра до вечера строчу невообразимую чепуху. Впрочем, они ее проглотят – они всегда и все глотают”. Вначале я не понял. Кто такие “они”? Издатели? Критики? Следующий абзац внес ясность. “Люди воспринимающие мои книги всерьез заслуживают в лучшем случае сострадания. Хотя сочувствовать дуракам – благодарное занятие”. Я окаменел. Это было как пощечина. Как плевок в лицо. Сочувствовать дуракам... Вот именно, дуракам. Письмо, еще письмо... “Получил очередное восторженное послание. Дамочка, видишь ли, считает что мои шедевры (ее выражение) делают людей лучше. Как будто умного человека можно улучшить с помощью книг. Или улучшить вообще. Бедное убожество. Пусть тешится...”

Я повернулся и взглянул на книги. Они стояли на полке синей шеренгой – родные, надежные, знакомые до мельчайших подробностей, ставшие неотъемлемой частью моей жизни. Окна в неведомый мир. Двери, которые до сегодняшнего дня вели в комнату, где сидел он. Тот, кого я считал своим самым близким другом. Тот, кто все это время считал меня дураком и убожеством. Я встал и направился к полке. Помнишь, как много лет назад, когда я был еще мальчишкой, ты сам учил меня не прощать предательство? На самом деле ты просто глумился надо мной. Но я хорошо усвоил урок.

Они разгорались с трудом. Игривый огонь радостно принимал их в свои объятия, но не торопился смаковать столь редкостное лакомство. Приходилось помогать кочергой – я знал, что поступаю верно, но затягивать это аутодафе было выше моих сил. Книги сопротивлялись. Листы не хотели гореть, странно белея в пламени, но рано или поздно черно-алые пятна вспыхивали на них и,

стремительно разрастаясь, пожирала бумагу. В камине рос черный, непривычно выглядящий пепел. С каждой книгой, с каждой страницей что-то выгорало и во мне. Но я лишь быстрее подкладывал книги. Наконец, в огне были все тома. Я медленно отступил к креслу, не отрывая взгляда от тихо потрескивающей груды книг. Так надо. Так надо. Он не заслуживает иного...

И тут во мне шевельнулось сомнение. А что если с самого начала я сделал неправильный вывод? Что если не он – этот абсолютно чуждый теперь для меня человек – был моим другом? Что если это был не он, а его книги? Эти потертые, такие привычные темно-синие томики, чьи страницы сейчас облизывает пламя... Они менялись вместе со мной, они разговаривали со мной, они поддерживали меня в трудные минуты, они спорили со мной, они всегда были рядом... Что если они были не средством общения с далеким другом, а сами были моими друзьями – не далекими, а столь близкими, выросшими со мной, верившими мне. Если я смог поверить в то, что они меняются, что мешало мне сделать еще один шаг и понять, что меняются их заставляет не их автор, а они сами? Писатель в ответе за свои произведения, но в ответе ли они за писателя? И тут же сомнение, мгновенно обретя холодную тяжесть, превратилось в уверенность. Я метнулся к камину... Поздно. В жадном огне корчился последний том. Взлетела, выгибаясь, страница. Мелькнули строки “Можно ли предать, не подозревая о своем предательстве? И не зная, кого предаешь?...” Затем длинный оранжевый язык протянулся к потемневшему листу, и он исчез.